

ХРОНИКА

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ “А.П. ЧЕХОВ И МИРОВАЯ КУЛЬТУРА: ВЗГЛЯД ИЗ XXI ВЕКА”

Конференция, посвященная 150-летию со дня рождения Чехова, прошла 29 января–2 февраля 2010 г. на филологическом факультете Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. Она была проведена кафедрой истории русской литературы филологического факультета совместно с Чеховской комиссией Совета по истории мировой культуры Российской академии наук, Гуманитарным фондом “Чеховский центр” и Государственным литературно-мемориальным музеем-заповедником А.П. Чехова (Мелихово). В ней приняли участие более 110 ученых – исследователей творчества Чехова, представлявших 24 города России и 10 зарубежных стран: Болгарию, Германию, Италию, Польшу, США, Украину, Францию, Чехию, Южную Корею, Японию.

Первое пленарное заседание, прошедшее 29 января, в день юбилея Чехова, открыл заведующий кафедрой истории русской литературы филологического факультета МГУ, председатель Чеховской комиссии РАН д.ф.н. *В.Б. Катаев* докладом “Чехов в XX веке: покорение планеты”. Доклад был посвящен воздействию Чехова на литературу и – шире – культуру народов мира. В томе 100 серии “Литературное наследство” – “Чехов и мировая литература” (кн. 1 – 1997; кн. 2, 3 – 2005) – собран колоссальный материал, позволяющий составить картину мирового признания чеховского наследия. На отношение к творчеству Чехова влияли разнообразные события мировой истории, например, установление салазаровской диктатуры в Португалии, прорыв дипломатической блокады Советской России, переход от эпохи Мэйдзи к периоду Тайсё и затем к периоду Сёва в истории Японии. В одних странах раньше становилась известной проза Чехова, в других – драматургия. Особенно знаменательно то, что во многих странах Чехова признают своим, близким собственной национальной культуре: так воспринимают его творчество в Польше, Чехии, Хорватии, Японии, Китае, Корее. Но тем более важно, что таково отношение к художнику, все произведения которого – проявление национального начала. Сегодняшним тенденциям к унификации противостоит чеховская идеология внимания к индивидуальности: она может служить ориентиром для современной культуры.

Ректор Школы-студии МХАТ д. иск. *А.М. Смелянский* в докладе “Чехов и Художественный театр” обратился к истории постановок Чехова на сцене МХТ от Станиславского до наших дней. Эстетика первых чеховских спектаклей Станиславского была революционной: до него актеры обращались к публике – Станиславский заставлял их обратиться друг к другу, вступить в диалог; так был создан первый канон постановок чеховских пьес. После революции Чехова стало играть невозможно: его пьесы стали несозвучны новой эпохе. Но потом Чехов вернулся на сцену, и Немирович-Данченко в классической постановке “Трех сестер” 1940 г. установил новый канон, споря с прежним, им же созданным: герои не общались вообще. История постановок Чехова в Художественном театре продолжалась – например, в “Чайке”, поставленной О.Н. Ефремовым в начале 80-х, – и продолжается теперь, например, спектаклем “Иванов” в постановке Ю. Бутусова: он предложил опыт деконструкции чеховского текста – и, разрушая его, сумел вскрыть его существенные особенности.

Проф. *Ж. де Пруайар* (Париж) прочитала доклад на тему “Антон Чехов и Библия”. У Чехова нет произведений на библейский сюжет, но цитаты из Библии встречаются в его произведениях и письмах более 500 раз. Как правило, цитаты даются по-церковнославянски; они могут адаптироваться к особенностям ситуации, часто эллиптичны. Обращение к тексту Библии не служит для проповедования прописной морали, а скорее изобличает ее, хотя бы иносказательно. Обращаясь к Писанию, Чехов хочет отвратить читателя от “пути погибели”, чтобы направить на “истинный путь”, вслед за Христом, чей образ преобладает в текстах. В 80-х годах Чехов цитирует в основном Десять Заповедей и Нагорную Проповедь; повторяя слова из заповедей: “не убий” и “Блаженны миротворцы...”, Чехов настаивает на том, что именно сочетание этих воззрений – единственный способ для человека преодолеть право сильного в отношении к себе подобным. На библейском микросюжете построен пасхальный рассказ “Студент”, который показывает нам, как Чехов понимает проповедование Евангелия.

Д.ф.н. *И.Н. Сухих* (Санкт-Петербург) в докладе “Чехов как Толстой: опыт практической этики”

интерпретировал отношения Чехова и Толстого как реализацию традиционной для русской литературы модели, заданной известной надписью, которую Жуковский сделал на своем портрете, подаренном Пушкину: “Победителю-ученику от побежденного учителя”. Эта модель была актуальна для Толстого и отчасти для Чехова, но, сознавая себя учеником Толстого в литературе, Чехов не принимал такой иерархии в быту, личной жизни и в мировоззрении. Они по-разному решали вопрос о том, как соединяются в одной личности человек и художник: если Толстой в теории отвергал искусство во имя жизни, то Чехов объединял искусство и жизнь, подчиняя их единому критерию ответственности. И уже в 1904–1910 гг., после смерти Чехова, но при жизни Толстого, оказалось, что, хотя Толстой обращался к обществу с проповедью, а Чехов – нет, для многих “учителем жизни” стал именно Чехов.

Д.ф.н. О.А. Клинг выступил с докладом “Один день Антона Павловича (изображение времени у Чехова)”. Описание дня как привычного отрезка времени, в течение которого происходят те или иные события, – распространенный прием, но у Чехова он не только занимает особое место: он необычен по исполнению. Это связано с характерными особенностями его поэтики, в том числе с краткостью, экономностью, с тяготением к жанру рассказа. У раннего Чехова нередко один день – единица исчисления, равная фабуле рассказа, но эта фабула перерастает, говоря словами А. Белого о Гоголе, в разветвленный сюжет, и уже в ранних произведениях Чехов передает персоналистское, индивидуальное восприятие времени. Принцип конструирования высвеченного авторским видением одного дня у Чехова не только драматургичен, но и кинематографичен. Уже в раннем творчестве писателя определяется тенденция, которая сохранится позднее: один день перерастает из категории времени в категорию онтологическую.

Д.ф.н. В.Я. Звизняковский (Киев) в докладе “Анализ капель рабской крови (К эволюции чеховской аксиологии)” поставил задачу проследить процесс “выдавливания из себя по каплям раба” на материале творчества писателя – в частности, рассказа “Перекасти-поле”. В его основе фатическое общение – стремление героя установить контакт с рассказчиком.

Д.ф.н. В.Е. Хализев прочитал доклад “Чехов в XX веке: contra et pro”. (Текст доклада публикуется в настоящем номере.)

Завершил пленарное заседание доклад д. иск. А.В. Бартошевича “Чехов – английский драматург?”, посвященный восприятию чехов-

ской драматургии в Англии, преимущественно в межвоенный период. Творчество Чехова было переосмыслено в контексте национальной культуры: чеховский мир связался в сознании англичан с викторианской эпохой, и интерпретация пьес Чехова менялась в зависимости от того, каким было отношение к этому периоду – а осмысление его исторической роли определило развитие английской культуры на протяжении всего XX в. Огромную роль в распространении пьес Чехова в Англии сыграл Ф. Комиссаржевский. В 30-е гг. Чехов воспринимался в Англии на фоне расцвета неовикторианства. На отношении к нему сказался и переворот в отношении к викторианской эпохе, произошедший в 60-е гг.: в частности, в критике и публицистике развернулась кампания в защиту Наташи из “Трех сестер”. Восприятие Чехова стало в Англии таким же способом самопознания, каким в России стало восприятие Шекспира.

30 и 31 января состоялись заседания 8 секций конференции. Прозвучали доклады, посвященные жизни и творчеству Чехова, его связям с русской и зарубежной литературой, истории его критических оценок, научных истолкований и сценических интерпретаций и влиянию Чехова на культуру народов мира.

Не проясненные до сегодняшнего дня вопросы биографии Чехова, его отношений с современниками, общественно-философские взгляды писателя обсуждались в секции “**Биография, мировоззрение**”. К.ф.н. Е.Н. Петухова (Санкт-Петербург) охарактеризовала “языковую личность” молодого Чехова на материале его писем 1875–1886 гг. Два доклада были посвящены путешествию Чехова на Сахалин. Писатель В.А. Чуканов предложил новое объяснение психологических причин поездки: работа на Сахалине помогла Чехову вернуться в привычную жизненную колею, преодолеть духовный кризис, начавшийся после смерти брата – Николая Чехова. Д.Т. Капустин рассказал о Р.Е. Гутане и А.В. Щербаче – капитане и судовом враче парохода “Петербург”, на котором Чехов возвращался с Сахалина.

Д.ф.н. Н.В. Капустин (Иваново) прочитал доклад “А.П. Чехов и А. Н. Островский за границей: о сходстве мировосприятия и стилей поведения”. Выступление студ. К. Ардини (Генуя) было посвящено Чехову и О.Л. Книппер. Д.ф.н. О.М. Скибина (Оренбург) рассказала о первых критиках Чехова и его корреспондентах В. Кигне-Дедлове и М. Меньшикове: Дедлов уже в обзоре русской литературы за 1887 г. поставил Чехова на первое место среди современных “настоящих” талантов в русской литературе.

Д.ф.н. *А.С. Собенников* (Иркутск) посвятил выступление идее прогресса в художественном сознании Чехова, продемонстрировав, что Чехов не отрицает необходимости материального улучшения жизни, но показывает необходимость каждодневных нравственных усилий личности.

Образ Чехова в русской литературе и культуре разных эпох стал темой сразу трех докладов: к.ф.н. *Л.Е. Бушканец* (Казань) реконструировала миф о Чехове в сознании массового читателя начала XX в. на материале юмористических журналов того времени, к.ф.н. *В.А. Старикова* исследовала посвященные Чехову стихотворения 1904–1914 гг., а к.ф.н. *А.Г. Бондарев* (Иркутск) рассказал о чеховском мифе в современной нам сетевой поэзии.

Одной из наиболее представительных по количеству докладов и разнообразию исследовательских стратегий стала секция **“Поэтика”**. Герменевтический подход к изучению творчества Чехова был обоснован в выступлении д.ф.н. *А.Я. Эсалнек*, продемонстрировавшей, как современная наука возвращается к традициям герменевтики, восходящим к Шлейермахеру, Дильтею, Риккерт, а в России – к Бахтину и Шпету, но в то же время понятие интерпретации получает чрезвычайно широкую трактовку, допуская ничем не ограниченную свободу истолкования в духе постмодернизма. О принципах чеховской нарратологии говорил в своем докладе д.ф.н. *В.И. Тюпа* (текст доклада публикуется в настоящем номере). Методы коммуникативной грамматики применила д.ф.н. *М.Ю. Сидорова*, исследовав функции неопределенно-личных конструкций в рассказах Чехова.

Были предложены истолкования чеховской прозы на основе философских концепций XIX–XX вв. К.ф.н. *Т.Б. Зайцева* (Магнитогорск) интерпретировала повесть “Моя жизнь” в свете учения Кьеркегора. Д.ф.н. *К.А. Барит* (Санкт-Петербург) рассмотрел вопрос о специфике событийности у Чехова в контексте философии начала XX века. Он выдвинул гипотезу о том, что для Чехова характерна событийность нового типа – не фабульная и не сюжетная, связанная с особой сверхсубъективной точкой зрения, основанной на представлении о всеобщем поле сознания, частью которого является сознание человека. Эта событийность третьего уровня возникает в сопричастности великому целому жизни, и событийность фабульная и сюжетная затухают и снимаются как необязательные. (Расширенный вариант доклада публикуется в настоящем номере).

Были рассмотрены различные вопросы образного и идейного мира чеховской прозы и драматургии. Режиссер и театровед *В.В. Гульченко* посвятил выступление противостоянию провинции и столицы в пьесах Чехова, а также в современном кино (“Если бы знать...” Б. Бланка, “Москва” А. Зельдовича, “Три вокзала – три сестры” Э. и Н. Пальмовых) и в истории страны. Д-р *А. Енджейкевич* (Варшава), интерпретируя повесть “Палата № 6”, сосредоточила внимание на проблеме человеческого общения. К.филос.н. *С.В. Панов* и к. культурологии *С.Н. Ивашкин* подготовили доклад “Литературное письмо А. Чехова: феноменология диалога и авторская интонация (к ре-деконструкции литературы)”. Проф. *О Вон Кё* (Сеул) показал, насколько своеобразно на фоне традиций русской классики Чехов изображает “маленького человека”. К.ф.н. *О.В. Шалыгина* (Владимир) охарактеризовала одну из последних работ А.П. Чудакова – “Ароморфоз русского рассказа (к проблеме малых жанров)” (в кн.: Поэтика русской литературы конца XIX–начала XX века. Динамика жанра: общие проблемы. Проза. М., 2009), посвященную расширению горизонтов рассказа как жанра на рубеже веков под влиянием чеховской художественной системы.

Ряд докладов был посвящен общим особенностям образной и композиционной структуры произведений Чехова: так, живописность и музыкальность его прозы были рассмотрены в докладе д.ф.н. *В.М. Родионовой*, а метатематическое единство его позднего творчества – в докладе асп. *Г.Х. Тереховой* (Ростов-на-Дону). Д.ф.н. *Ю.Б. Орлицкий* охарактеризовал особенности строфической композиции рассказов Чехова, показав, что в начале творчества писатель редко использует короткую строфу в повествовательных абзацах, но регулярно – в репликах героев; в зрелой юмористике постепенно уменьшается объем строф; серьезные рассказы начинаются объемным повествовательным абзацем, за одним-двумя вступительными абзацами идут более краткие реплики персонажей и сопровождающие их строфы, “дающие речь” этим персонажам и обозначающие субъектов речи.

В других докладах был предпринят опыт анализа отдельных приемов Чехова: так, асп. *С.В. Затуло* (Тверь) исследовала восклицательные и вопросительные конструкции в заглавиях его рассказов, а *А.И. Верхоzin* (Иркутск) – систему подзаголовков. Д.ф.н. *А.Д. Степанов* (Санкт-Петербург) выявил в прозе Чехова прием, который назвал диаграммой: предметный или мотивный ряд, не связанный прямо с развитием основного конфликта, движением мысли или чувства героя,

косвенным образом воспроизводит их, увеличиваясь или уменьшаясь в соответствии с этими изменениями.

В секции **“Шедевры чеховской прозы”** три доклада были посвящены рассказу *“Черный монах”*. Ст. преп. *Ф.К. Бесолова* (Владикавказ) предположила, что истоки болезни Коврина – в примеривании на себя популярных научных и околonaучных теорий. Ассистент *Э. Борковска* (Седльце, Польша) исследовала рассказ как выражение рефлексии на тему психологической тайны человеческого гения. Рассказ был рассмотрен в контексте польской литературы. Выступление к.ф.н. *Т.Ю. Ильяхиной* (Санкт-Петербург) было посвящено принципу ритмичности в поэтике повести.

Состоялось два доклада о рассказе *“Студент”*: к.ф.н. *С.Ф. Дмитренко* рассмотрел вопросы о его содержании и названии, а к.ф.н. *Ю.В. Вишницкая* (Киев) исследовала его мотивную структуру. Д.ф.н. *М.Ч. Ларионова* (Ростов-на-Дону) и к.филос.н. *Н.А. Архипенко* (Ростов-на-Дону) предложили этнокультурный комментарий к эпизоду убийства ужа в повести *“Степь”*.

Большинство докладов в секции **“Литературные связи Чехова”** было посвящено генетическим и типологическим связям прозы Чехова с произведениями русских писателей XIX в. К.ф.н. *М.В. Литовченко* (Кемерово) исследовала образы моря у Чехова и Пушкина, показав, что в *“Даме с собачкой”* и *“Черном монахе”* море связано с семантикой бытийной гармонии, как в *“Евгении Онегине”*; образ моря в *“Черном монахе”* и *“Гусеве”* трагичен, и это отличает Чехова от Пушкина; в *“Дуэли”* море лишается традиционного романтического ореола: оно не может дать человеку желанной свободы – Чехову ближе эстетическая концепция Пушкина-реалиста (*“Отрывки из путешествия Онегина”*). К.ф.н. *Л.М. Ельницкая* прочитала доклад на тему *«“Болтовня” как речевой дискурс у Пушкина, Достоевского и Чехова»*. Д.ф.н. *С.И. Ермоленко* (Екатеринбург) рассмотрела вопрос об авторской позиции в прозе Лермонтова (*“Герой нашего времени”*) и Чехова. К.ф.н. *И.А. Семухина* (Екатеринбург) сопоставила *“усадебный текст”* у Тургенева и *“дачный текст”* у Чехова. Д.ф.н. *Е.К. Созина* (Екатеринбург) продемонстрировала близость поэтики Чехова и Ф.М. Решетникова.

В ряде выступлений рассматривались связи Чехова с современной ему литературой. Преп. *В.Н. Шацев* (Санкт-Петербург) посвятил доклад *“Трем рассказам”* Чехова – *“В бане”* (1885), *“Оратор”* (1886), *“Неосторожность”*

(1887). В 1898 г. они как единый опус были включены в сборник *“Памяти В.Г. Белинского”*. Охарактеризовав их в связи с другими текстами сборника, докладчик показал их роль в творческой эволюции Чехова. Д.ф.н. *А.В. Кубасов* (Екатеринбург) в докладе *“А. Чехов и И. Ясинский в ситуации литературной дуэли”* проанализировал *“Скучную историю”*, *“Дуэль”* и роман Ясинского *“Ординарный профессор”* с точки зрения литературной полемики, завязавшейся между авторами. Проф. *Д. Шимоник* (Седльце, Польша) рассмотрела приемы чеховской поэтики в творчестве Куприна: способы обрисовки персонажей (детализация, экспонирование противоположных свойств характера, тип монолога), сюжетно-композиционного построения произведений, организации художественного мира, тип юмора и повествовательной техники, показав, что для обоих авторов характерна объективная наррация.

Чрезвычайно представительной оказалась секция **“Чехов и писатели XX века”**. К.ф.н. *А.В. Бакунцев* рассказал о юморе Чехова и Бунина. Д.ф.н. *А.А. Смирнов* рассмотрел вопрос о том, как трансформируется в русской литературе 1920-х гг. чеховская традиция изображения деревенского уклада жизни на материале рассказов забытого писателя Б.А. Грубера.

Особое внимание было уделено воздействию Чехова на писателей-эмигрантов. Д.ф.н. *Е.Г. Руднева* изучила суждения И.С. Шмелева о Чехове, высказанные в письмах. Она отметила, что Шмелев подчеркивал религиозность Чехова, а *“самым тончайшим и самым глубоким”* из чеховских рассказов считал *“Дом с мезонином”*, истолковывая антитезу Мисюсю и Лиды в контексте важной для него оппозиции рассудочности и сердечности. Д.ф.н. *С.А. Кибальник* (Санкт-Петербург) показал, что в романах Г. Газданова есть герои, изображенные как своего рода инварианты чеховских персонажей, рассмотрев это явление как черту предконцептуалистской поэтики. К.ф.н. *Е.Ю. Зубарева* выступила с докладом *“А.П. Чехов и Ф.Н. Горенштейн: Парадоксы литературных связей”*. Горенштейн обычно сравнивают с Достоевским; однако для него самого творчество Чехова стало литературным ориентиром. В Чехове его привлекало сочетание трезвости взгляда и лиризма, способность *“рисовать человека с его страстями”*, особенности психологизма, уникальность манеры повествования и особенно мастерство *“внешней отделки слога”*. К.иск. *А.Д. Сёмкин* (Санкт-Петербург) назвал свой доклад *“Почему Сергею Довлатову хотелось быть похожим на Чехова?”*. Он показал, что торжество абсурда в мире Довлатова не отменяет, но предполагает страст-

ное стремление к норме; Чехов становится для него идеалом прежде всего потому, что осознается как носитель нормы. К.ф.н. *М.А. Волчкевич* провела параллели между Чеховым и Бродским.

Не меньший интерес вызвал вопрос о влиянии Чехова на новейшую русскую литературу. Л.Р. Глухова (Челябинск) исследовала интертекстуальное взаимодействие пьес Б. Акунина “Чайка”, В. Сорокина “Погребение Аттиса”, повести Ю. Кувалдина “Ворона” с чеховским претекстом – “Чайкой”. К.ф.н. *И.Н. Левина* (Санкт-Петербург) изучила традиции чеховского нарратива в прозе А. Геласимова. В докладе к.ф.н. *Е.В. Михиной* (Южно-Уральск) был рассмотрен чеховский интертекст в прозе Ю. Буйды – мотивы “Человека в футляре” и “О любви” в рассказе “Пятьдесят два буковых древа” и цикле “Рассказы о любви”. К.ф.н. *Е.В. Новикова* сопоставила роман “Елтышевы” Р. Сенчина с повестью Чехова “Мужики”. Д.ф.н. *В.В. Химич* (Екатеринбург) исследовала рецепцию “Вишневого сада” в современной драматургии.

В той же секции обсуждалась рецепция Чехова в зарубежной литературе. К.иск. *Л.А. Давтян* исследовала мотивы “Чайки” в романе Ромена Гари “Прощай, Гари Купер!”. В докладе студ. *А. Г. Азова* был рассмотрен рассказ Р. Карвера “Поручение”, посвященный последним годам жизни и смерти Чехова. Д.ф.н. *Т.Л. Селитрина* (Уфа) рассказала о том, как воспринимали Чехова Б. Шоу и американский драматург Л. Хеллман.

Секция “Драматургия и театр” объединила доклады, посвященные разнообразным аспектам изучения пьес Чехова: их поэтике, литературным связям, критическим оценкам и постановкам на русской и зарубежной сцене.

Были рассмотрены как предельно общие, так и частные (но при этом чрезвычайно интересные) проблемы поэтики чеховских пьес. Так, к.ф.н. *П.Н. Долженков* в обобщающем докладе “О поэтике драматургии Чехова” показал, что Чехов воспринимает жизнь как целостность, и такое восприятие можно рассматривать в контексте русской философии, для которой характерно отношение к действительности как к органическому единству; к.ф.н. *М.С. Гладилин* (Одинцово) исследовал образ Лопухина в пьесе “Вишневый сад”, а д.ф.н. *Ю.В. Доманский* (Тверь) посвятил доклад одной из ремарок в “Чайке” – “Оба улыбнулись”. Эта ремарка необычна, так как здесь, что редко у Чехова, герои поняли друг друга; но прошедшее время (которое также для ремарок необычно само по себе) редуцирует позитивную оценку.

Три доклада были посвящены связям пьес Чехова с предшествующей литературно-драматургической традицией, причем два из них – влиянию Шекспира. Д-р филологии *Дж.К. МакКоули* (Вашингтон) изучила воздействие Шекспира (прежде всего “Гамлета”) на пьесы Чехова, особенно “Иванов” и “Чайка”. Ст.н.с. *В.Б. Смиренский* исследовал влияние трагедии “Король Лир” на драму “Три сестры”. Наташа, словно выполняющая сюжетные функции Реганы и Гонерилии, ведет борьбу за власть в доме. Чебутыкин, выполняющий функции Шута, говорит жестокую правду. Д-р филологии *Л. Димитров* (София) выявил связи пьесы Чехова “Татьяна Репина” с произведениями Суворина, Тургенева, Куприна, Лескова, Мартель де Жанвиля, с православной обрядовой практикой и рассмотрел ее как освоение сюжета пушкинской драмы “Русалка”.

Д.ф.н. *Н.А. Соловьева* в докладе “Чеховские традиции в современной английской драме” показала, как Чехов, самый популярный драматург в Англии после Шекспира, прошел стадии копирования, имитации, заимствования отдельных приемов несколькими поколениями английских драматургов. К.ф.н. *М.М. Одесская* отметила, что творчество Чехова приходится на период смены этических и эстетических категорий, и это обуславливает особенности поэтики – лакуны, “пустоты” на месте привычных идеологем, давшие импульс созданию переводов-адаптаций, сценических, кинематографических версий, литературоведческих интерпретаций. Постмодернистские произведения и интерпретации направлены на то, чтобы разрушить стереотипы образа писателя и его творчества.

Ряд докладов был посвящен постановкам пьес Чехова и их интерпретациям. Проф. *Накамото Нобуюки* (Токио) выступил с докладом «Вокруг премьеры “Платонова” А.П. Чехова в Японии». В 1981 г. театральная труппа “Хайсэ” под руководством гениального режиссера Хаяно Тосиро (1927–1983) впервые в Японии успешно поставила эту пьесу. Отмечая 150-летие Чехова, труппа “Хайсэ” собирается восстановить незабываемый спектакль.

Проф. *Г.В. Коваленко* (Санкт-Петербург) провела театроведческий анализ спектаклей по пьесам Чехова, поставленных зарубежными режиссерами в России, – “Чайки” (К. Люпа, Польша) и “Дяди Вани” (А. Щербан, Румыния – США) в Александринском театре, “Дяди Вани” (Р. Туминас) в театре им. Е. Вахтангова.

К.ф.н. *М.О. Горячева* изучила работы Н.Е. Эфроса о Чехове. Сопоставив, с одной стороны, его

критические отзывы о чеховских спектаклях, с другой – его работы по истории театра, она продемонстрировала, как менялось восприятие чеховских спектаклей по мере того, как деятельность МХТ завоевывала все большее признание. В докладе было показано: во многом именно благодаря работам Эфроса утвердилось представление о том, что именно стиль спектаклей МХТ является единственно верным в постановке пьес Чехова, хотя это представление, ставшее на несколько десятилетий главным в отечественном театроведении, во многом упрощало реальную картину взаимоотношений театра и драматурга.

В этой же секции состоялся доклад к.иск. *Е.И. Стрельцовой*, посвященный малоизученной теме – взглядам Чехова на русский частный театр (на материале переписки с Сувориным и Шехтелем середины 1890-х гг.): Чехов хотел видеть его как театр-дом, театр для каждого настоящего писателя, имеющего свое лицо.

Д-р филологии *Н.Д. Няголова* (Великотырново, Болгария) рассказала о проекте “Европа читает Чехова”. Его цель – представить рецепцию чеховской драматургии в европейском контексте. Предполагается создать каталог научной и критической литературы, видеоархив и каталог видеоматериалов, частотный словарь чеховской драматургии.

Секция “Переводы, рецепция” объединила доклады, посвященные восприятию творчества Чехова в англо- и франкоязычных странах, в Чехии, а также трансформациям чеховских сюжетов в русской культуре, в том числе их интерпретации в кино и балете. Четыре участника обратились к проблемам восприятия Чехова в Англии и переводам его произведений на английский язык. Д.ф.н. *Г.А. Пучкова* (Арзамас) охарактеризовала рецепцию Чехова в Англии в первой трети XX в. Доц. *Н.Э. Додонова* (Таганрог) поставила вопрос о возможности адекватного перевода и восприятия Чехова и пришла к выводу, что в качестве ведущего можно рассматривать “транспонирующий подход с доминантой плана содержания”. К.ф.н. *Т.Б. Аленкина* изучила средства создания комического в речи героев водевилей Чехова “Медведь” и “Предложение” в переводах П. Шмидта на английский язык. К.ф.н. *А.В. Уржа* провела сопоставительный анализ английского перевода рассказа “Шуточка”, выполненного К. Гарнетт, и оригинала, используя методы грамматики текста.

Асп. *М.В. Зырянова* (Воронеж) обратилась к истории французских переводов “Трех сестер”, обратив внимание на “дерусификацию” текста,

позволяющую подчеркнуть универсальный, общечеловеческий характер произведений Чехова. Проф. *О. Рихтерек* (Градец-Кралове, Чехия) рассказал о переводах и восприятии произведений Чехова в Чехии. Он поставил вопросы об адекватности и эквивалентности восприятия его наследия, уделил внимание семантическим и стилистическим сдвигам, вызываемым интерпретационным подходом к сверхвременным ценностям чеховского восприятия и воплощения мира, к особенностям повествования, которыми Чехов обогатил мировую литературу.

Восприятию Чехова в русской культуре XX в. был посвящен доклад к.ф.н. *А.П. Кузичевой* «“Чеховщина”: мода эпохи или вечная тень Чехова?». Трактовки произведений Чехова в кинематографии и балетном искусстве рассматривались в докладах к.ф.н. *Л.А. Мартыновой*, изучившей интерпретации Чехова в кинематографе 1910-х гг. по материалам периодических изданий начала XX в., и ученицы 9 класса школы *Е.С. Приезжевой*, проанализировавшей образы балета В.В. Васильева “Анюта” в их отличиях от образов рассказа “Анна на шее”.

В секции “Язык чеховских произведений” были представлены различные направления лингвистической поэтики: исследование языка писателя методами корпусной лингвистики, семантический анализ концептов, изучение композиции и образов с помощью языковедческих приемов.

Заведующий лабораторией общей и компьютерной лексикологии и лексикографии филологического факультета МГУ д.ф.н. *А.А. Поликарпов*, и его сотрудники д.ф.н. *О.В. Кукушкина* и к.ф.н. *Е.В. Суровцева* рассказали о корпусе художественной прозы и драматургии Чехова, работа над которым ведется в лаборатории. Корпус включает конкордансы со следующими наименованиями: словоформы, лексемы, семантические классы, фонетические варианты слов. Фиксируется частота употребления словоформ и лексем. Асп. *Л.В. Лапонина* и *Е.В. Суровцева* сделали доклад о тематической разметке в корпусе художественной прозы Чехова. Тематическая разметка опирается на интерпретацию содержания текста, подключая частотность лексико-семантических групп; благодаря ей тексты можно классифицировать по тематике.

Студ. *Л.Н. Успенская* (Ростов-на-Дону) рассмотрела концепт “Провинция” в рассказах Чехова. К.ф.н. *М.С. Виноградова* (Тверь) выступила с докладом “Концепты как инструмент исследования творчества А.П. Чехова (на материале поздней прозы)”.

Д.ф.н. *О.Е. Фролова*, поставив задачу подкрепить читательское ощущение “вязкости жизни” в прозе Чехова лингвистическим обоснованием, рассмотрела статус и характер события, особенности главных персонажей как объект восприятия и оценки со стороны персонажа и повествователя на материале повестей “Дуэль” и “Моя жизнь”. Асп. *Е.В. Маслакова* (Ростов-на-Дону) исследовала линейное и циклическое время в рассказе “Печенег”.

31 января состоялся **круглый стол “Чехов в школе”**, где обсуждались как вопросы изучения на уроках произведений Чехова, так и общие проблемы среднего образования. Заседание вел *С.Ф. Дмитренко*. Вызвала большой интерес дискуссия о задачах изучения литературы в школе (в том числе о соотношении образования и воспитания как целей школы), об объеме литературного курса и об уместности в школе историко-литературного подхода, о влиянии ЕГЭ на школу. Обсуждались различные методики преподавания литературы: так, *В.Н. Шацев* рассказал об использовании в педагогических целях постановок классической драматургии на примере спектакля по пьесе Чехова “Свадьба”, а засл. учитель РФ *Е.С. Абелюк* – о методике “медленного чтения”. Заместитель директора Мелиховского музея-заповедника Чехова к.ф.н. *А.А. Журавлева* рассказала об опыте проведения в музее Летних школ для учителей, посвященных творчеству Чехова. Состоялась дискуссия об отборе произведений Чехова для изучения в школе, о том, интересен ли он современному школьнику, и о том, на какие аспекты его творчества должен обратить внимание учитель. *В.Б. Катаев* напомнил о том, что, с одной стороны, многие выражения Чехова вошли в русский язык, с другой – Чехов стал одним из немногих русских писателей, широко известных за рубежом, и важно понять, что в его произведениях представляет интерес для всего мира; это может стать отправной точкой для обсуждения в классе его произведений. *С.Н. Кайдаш-Лакинина* говорила об особой чеховской философии. В дискуссии также приняли участие к.ф.н. *Р.Б. Ахметшин*, *А.Г. Бондарев*, *Т.А. Букчина*, *Л.Е. Бушканец*, *Ю.В. Доманский*, *В.Я. Звиняцкий*, *О.С. Маевская*, *Э.Д. Орлов*, *О.М. Скибина*, *В.Б. Смирнский*, *А.А. Смирнов*, *И.Н. Сухих* и др.

1 февраля заседание прошло в **Музее-заповеднике А.П. Чехова в Мелихове**. Первые три доклада были посвящены истории научных и публицистических интерпретаций Чехова в России и за рубежом. *Х. Зетцер*, руководитель Литературного музея “Чеховский салон” (Баденвейлер, Германия), рассказал о чеховском архиве в

Баденвейлере. Собранные в нем публикации о Чехове в прессе ФРГ позволяют судить о том, как его творчество воспринималось в контексте идеологической борьбы и как менялось отношение к нему: в нем меньше видели критика социальной жизни и импрессиониста и больше – писателя-новатора. К.ф.н. *Н.Ф. Иванова* (Великий Новгород) посвятила доклад незаслуженно забытым книгам А.Б. Дермана “Творческий портрет Чехова” (1929) и “Чехов. Критико-биографический очерк” (1939) и самой личности исследователя. К.ф.н. *Э.Д. Орлов* рассказал о том, как решалась проблема литературных связей Чехова с “малой прессй” в работах Л.М. Мышковской (1929), А.Б. Дермана (1929) и А.В. Коротаева (1939).

В двух докладах анализировались особенности поэтики Чехова. Д-р филологии *К.О. Смола* (Грайфсвальд, Германия) посвятила выступление косноязычию – нарушению общепринятых функций устных языковых форм – в прозе Чехова. Эксперименты с риторическими и письменными жанрами в раннем творчестве не противоречат еще установке на реалистическое отражение языковых отклонений в рамках социальной критики. Но в более поздней прозе подобные нарушения – признак бессилия языка, свидетельство его распада; в этом смысле они предвосхищают поэтику модернизма. Соискатель *Е.О. Крылова* (Санкт-Петербург) исследовала метафорику Чехова методами когнитивной теории метафоры, рассматривая чеховские тропы как тексто- и смыслопорождающий механизм.

2 февраля состоялось **заключительное пленарное заседание**. Его открыла с.н.с. Института мировой литературы РАН *И.Е. Гитович* докладом “Снова о биографии Чехова, биографе и читателе”. Задача создания итоговой научной биографии Чехова до сих пор не решена. Сейчас к ее решению ближе всего оказался жанр, традиционно считавшийся вспомогательным, – Летопись жизни и творчества Чехова. Важно, чтобы чеховеды обращались к ней и в анализе произведений Чехова опирались на знание биографии. Но в то же время необходима и биография, адресованная широкому читателю, так как в наше время читатель именно от восприятия личности писателя может подойти к его произведениям. Причем в биографии писателя главным должно быть творчество, а не подробности частной жизни; пока же наука, к сожалению, ничего не может противопоставить “желтому” чеховедению.

Д.мед.н. *В.А. Логинов* в докладе “А.П. Чехов – диагност в медицине и литературе” рассмотрел историко-медицинские работы Чехова – заметку

“От какой болезни умер Ирод?” и подготовительные записи к задуманной им диссертации “Врачебное дело в России”. В заметке Чехов пытается диагностировать болезнь Ирода по данным исторических источников – иными словами, получить информацию о больном без контакта с ним: в наше время проводятся такого рода работы, но установкам медицины XIX в. это противоречило. По аналогии с телемедициной – современным направлением в медицине, предполагающим диагностику и оказание помощи пациенту на расстоянии – такой подход можно назвать телемедицинским: здесь диагност и больной разделены временем. В записях к диссертации Чехов также применяет медицинские знания к историческому материалу, уделяя внимание исторической медицинской терминологии.

К.ф.н. *С.В. Тихомиров* выступил с докладом «Руссо и Ницше в рассказе “Дама с собачкой”». Поэтизацию чувственной страсти в рассказе Чехова современники (в частности, Л. Толстой) воспринимали как выражение дионисийского начала в понимании Ницше. Подобная трактовка чувственности восходит к “Новой Элоизе” Руссо через посредство романов “Евгений Онегин”, “Дворянское гнездо” и “Анна Каренина”. Для всех этих произведений характерен сложный сплав поэтизации свободной страсти и ее осуждения с позиций морали, при этом у Руссо моральное начало не может подавить, но по авторской воле подавляет чувственное, у Пушкина и Тургенева они в равновесии, у Толстого равновесие сдвигается в сторону морали, а у Чехова – в сторону чувственного начала, что сближает его рассказ с такими произведениями, как “Старуха Изергиль” и “Облако в штанах”, где сказалось влияние Ницше.

Писатель, журналист *С.Н. Кайдаш-Лакшина* в докладе “Пятая Соня в русской литературе” проследила эволюцию женских образов, объединенных именем: от Софьи в “Горе от ума” – к Соне Мармеладовой из “Преступления и наказания” – к Соне, кузине Наташи Ростовой, в “Войне и мире” – к Соне, невесте художника Лопатина, из “Надежды Николаевны” Гаршина – и, наконец, к Соне Серебряковой из “Дяди Вани”. Грибоедов поставил в русской литературе проблему падшей женщины; продолжив эту линию, Достоевский в образе Сони Мармеладовой воплотил идеал жертвенности, и к нему близок Гаршин; Толстой идею жертвенности отверг – о Соне, чья жертва вынужденна, говорит жестокие слова Наташа Ростова, и они явно выражают мысль автора; Чехов в образе Сони дал идеал русской женщины. Этот ряд героинь увенчает собой София – Вечная Женственность В. Соловьева.

Преп. *М.В. Соловьева* (Оберлин, США) в докладе “Чехов в интерпретации молодых американцев” рассказала об опыте чтения Чехова на занятиях с американскими студентами. Много в нем оказывается близко их менталитету: сдержанность в общении с читателем, внутренняя свобода его героев, то уважение к человеческой личности, которое было столь важно в его этическом кодексе. Для них существенно участие Чехова в многочисленных практических делах. Важно и то, что его герои – не просто представители социальных типов, но личности: чем индивидуальнее образ, тем труднее он вписывается в типологию, но тем легче входит в другую культуру и время. Все это помогает понять, почему Чехов, глубоко национальный писатель, в сознании читателей-иностранцев занимает особое место среди всех русских классиков.

Д.ф.н. *А.Н. Варламов* прочитал доклад “Чехов, Платонов, Шукшин: геополитические оси и разломы русской литературы”. По его словам, Чехов и Платонов (хотя между ними много точек соприкосновения) – антиподы: читая Чехова, невозможно поверить, что появится Платонов; читая Платонова, невозможно поверить, что был Чехов. Платонов стал ответом русского народа на революцию, а Чехов знал, что революции не будет; русская интеллигенция поверила ему – и, когда революция произошла, обрадовалась, а не ужаснулась. Шукшин же, чье творчество – интуитивно нащупанное продолжение платоновского мира, оказался предвестником конца советской эпохи, как Чехов – предвестником конца эпохи дореволюционной. При чтении Чехова становится понятно, почему старая Россия подошла к пределу и народ спокойно принял падение монархии; вся проза Шукшина – повествование о том, почему не удался советский опыт и чем был на самом деле русский человек советского времени.

В.н.с. Государственного института искусствознания к.иск. *Т.К. Шах-Азизова* завершила конференцию докладом “Вечное движение”. Празднование чеховского юбилея оказалось неожиданно массовым, и это вызывает беспокойство: не попадет ли Чехов в русло моды? Беспокоит и то, что, при многообразии подходов к его творчеству, нет единства, целостного взгляда; часто творчество Чехова оказывается нужно литературоведам, критикам, режиссерам не само по себе, а как поле для отработки собственных методик и экзерсисов, причем его оригинальность исчезает. И тем не менее Чехов востребован, даже несмотря на то, что мы живем в нелитературное время, когда зрители спектаклей по пьесам Чехова не читали

самых пьес; интерес к нему пропадал в 20–30-е, возвращался в 60–70-е, снова шел на убыль в годы перестройки и вновь вернулся теперь – снизу, из провинции, от молодежи, выросшей в лоне контркультуры. Чехов чрезвычайно изменчив, так широк и объемен, что каждый находит в его творчестве что-то для себя. И, хотя мы часто пытаемся сузить его творчество, не заметить противоречий (ведь он классик!), оно продолжает вызывать новые вопросы. Можно надеяться, что, пока эти вопросы множатся, Чехов будет с нами.

Конференция, прошедшая на филологическом факультете МГУ, стала одним из значительнейших событий юбилейного 2010 года и наиболее масштабным научным форумом, посвященным творчеству Чехова. Она отразила все многообразие проблем современной науки о Чехове и весь спектр применяемых в ней исследовательских подходов: от имманентного до историко-функционального изучения произведений, от гер-

меневтики и нарратологии до различных типов языковедческого анализа – семантического и синтаксического, а также корпусной лингвистики. Творчество Чехова было рассмотрено в предельно широком историко-культурном контексте; были показаны его связи с русской и зарубежной литературной классикой. Особый интерес участников конференции вызвали проблемы восприятия Чехова в культуре XX и XXI вв.: многие доклады были посвящены постановкам его пьес, влиянию его творчества и воздействию его личности в России, а также в Англии, Франции, Чехии, Польше, США, Японии. При этом очень важно, что обсуждались не только вопросы специально литературоведческого исследования Чехова, но и изучения его произведений в школе, и восприятия его творчества широким читателем и зрителем: наследие Чехова должно остаться важнейшей частью русской и мировой культуры.

Л.А. Трахтенберг

Сдано в набор 22.04.2010 г.

Подписано в печать 28.06.2010 г.

Формат бумаги 60 × 88¹/₈

Цифровая печать

Усл. печ.л. 10,0

Усл.кр.-отг. 4.1 тыс.

Уч.-изд.л. 10.1

Бум.л. 5.0

Тираж 394 экз.

Зак. 466

Учредитель: Российская академия наук

Издатель: Российская академия наук. Издательство “Наука”, 117997 Москва, Профсоюзная ул., 90

Оригинал-макет подготовлен АИЦ “Наука” РАН

Отпечатано в ППП “Типография “Наука”, 121099 Москва, Шубинский пер., 6